

ное, и въ то же время Троичное, являетъ намъ ту же тайну неизслѣдимаго сплетенія универсальнаго и индивидуальнаго, общаго и личнаго, какую мы находимъ и въ душѣ человѣческой. Тайна собственной индивидуальности проходить для многихъ незамѣченной,—и, глухіе къ собственной душевной жизни, они не воспринимаютъ и Откровенія о началѣ индивидуальности въ сферѣ Высшей Реальности. Не случайно поэтому то, что Толстой прошелъ не только мимо тайны индивидуальности въ человѣкѣ, но и мимо Откровенія о Троицѣ...

Оторвавъ въ человѣкѣ высшую жизнь отъ потока душевныхъ явленій, Толстой ограничилъ безсмертіе лишь этой высшей сферой,—и отрицаніе индивидуальнаго безсмертія было для него совершенно неизбѣжнымъ логическимъ выводомъ. Даже ученія о переселеніи душъ,—этой единственной, хотя и неудачной попытки виѣцерковной мысли отстоять стойкость индивидуальности,—не могъ принять Толстой (см. „Христіанское ученіе“, стр. 100), такъ какъ оно приписываетъ индивидуальности безсмертіе. Но не самъ ли Толстой такъ хорошо показалъ, что истинный смыслъ индивидуальности раскрывается именно въ разумномъ „я“? Не самъ ли онъ, забывъ свое ученіе объ исчезновеніи личности въ Богѣ, подъ конецъ сознался въ томъ, что судьба начала индивидуальности загадочна?

Агностицизмъ, которымъ кончилъ Толстой, есть беспощадный и безповоротный приговоръ его собственной религіозной системѣ. Правда, Толстой самъ сознается, что его ученіе о безсмертіи въ насъ нравственно-разумнаго „я“—„малое“,—но отвѣчаетъ ли оно въ сущности на тотъ вопросъ, съ котораго началъ Толстой? Устанавливаетъ ли оно связь конечнаго съ безконечнымъ, личности съ Богомъ? Нѣтъ, нѣтъ! Трагедія личности, та ея тоска объ осмысленномъ существованіи, то ея стремленіе къ вѣчности, которыми началась религіозная жизнь Толстого, не находятъ себѣ разрѣшенія въ религіозной системѣ Толстого. Жажда безсмертія, возникающая въ предѣлахъ личности, для того только и просыпается, по Толстому, въ насъ, чтобы мы вышли за предѣлы личности; она манитъ къ себѣ, она волнуетъ личность лишь для того, чтобы сердце наше, съ разбитыми надеждами на личное безсмертіе, навсегда отвернулось отъ любви ко всему личному, индивидуальному, чтобы научилось оно любить лишь Бога въ мірѣ и